

ком правилами составления промптов (конкретизация задачи, определение контекста, четкая форма ответа, установление правил для нейросети, определение уровня сложности задачи), а также теоретическими и практическими знаниями о различных стратегиях промпт-инжиниринга, их плюсах и минусах, что позволит переводчику успешно применять инструменты ИИ в переводческой деятельности.

Список литературы

1. Евстигнеев, М. Н. Развитие умений промпт-инжиниринга у будущего педагога иностранного языка / М. Н. Евстигнеев, И. А. Евстигнеева // Вестник ТГУ. – 2025. – №4. – С. 795–813.
2. Соколова, М. Е. Chatgpt и промпт-инжиниринг: о перспективах внедрения генеративных нейросетей в науку / М. Е. Соколова // Научно-исследовательские исследования. – 2024. – №1. – С. 92–109.
3. Сысоев, П.В. Интеграция технологий искусственного интеллекта в лингвометодическую подготовку будущих учителей иностранного языка / П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев // Язык и культура. – 2025. – №69. – С. 204–219.
4. Захцер, Е. М. Инженерия подсказок при обучении английскому языку: теория и практика / Е. М. Захцер // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2025. – №2. – С.122–139.
5. Володина, Д. В., Юрьева Юлия Сергеевна особенности создания промптов при обучении иностранному языку студентов / Д. В. Володина, Ю. С. Юрьева // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2025. – №3 (59). – С. 51–59.

PROMPT-ENGINEERING IN MACHINE TRANSLATION POST-EDITING TRAINING

Overchenko E. S.

Taganrog, Russian Federation, SFedU

Summary. This article explores prompt writing strategies (prompt engineering) for machine translation post-editing, analyses 10 approaches and provides rules and recommendations for using prompts in translation.

Keywords: prompt engineering; strategies; machine translation; post-editing; AI tools.

УДК 81'373.211.1:94:008:911.375.4(476)

КОРРЕЛЯЦИЯ ХРОНОТИПА ГОРОДА И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ГОДОНИМИКОНЕ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ

Прищепина М. М.

Витебск, Республика Беларусь

ВГУ имени П. М. Машерова

Аннотация. В статье на материале годонимикона 25 городов Беларуси исследуется связь между историческим типом города и структурой культурных кодов в названиях улиц. Предложена интерпретация этой связи через призму семиотики города и его урбанистической политики; выявлен методический потенциал исследованного материала.

Ключевые слова: годонимикон; культурные коды; хронотип города; Беларусь; семиотика города.

Названия внутригородских линейных объектов (годонимы) представляют собой важнейший пласт культурной памяти, фиксирующий ценностные приоритеты разных исторических эпох [1; 2]. В белорусских городах, переживших смену государственных образований, войны и идеологические трансформации, годонимикон сочетает наследие Великого княжества Литовского, Российской империи, советского периода и постсоветского времени [5; 8]. Особый научный интерес вызывает вопрос корреляции структуры культурных кодов в названиях улиц с хронотипом города – его возрастом, историей возникновения и доминирующей эпохой застройки. Предшествующие исследования (9; 11) рассматривали годонимикон преимущественно в синхронии или на примере единичных городов. Данная работа впервые предлагает сравнительный анализ годонимиконов белорусских городов, сгруппированных по хронотипу, с использованием единой классификации культурных кодов.

Цель работы – проанализировать зависимость между историческим типом города (хронотипом) и частотностью культурных кодов в названиях улиц, а также предложить интерпретацию этой зависимости как результата целенаправленной урбанистической политики разных эпох.

Материал и методы. Материалом исследования послужили годонимиконы 25 белорусских городов. Общее количество названий внутригородских линейных объектов составило 6296 единиц. Списки названий улиц городов получены методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов, представленных в открытом доступе на официальных сайтах областных и городских исполнительных комитетов [3, 7, 10]. Для каждого годонимикона проведена полная кодировка культурных кодов. Для этого в соответствии с ранее принятой классификацией [4, 6] выделены десять культурных кодов: *антропоморфный, духовный, ландшафтный, пространственный, социальный, темпоральный, топоморфный, фауноморфный, фитоморфный, эмоционально-характерологический*.

На основе историко-урбанистических критериев выделены три хронотипа городов. **Древние** города – летописные населенные пункты, возникшие до XIV в., имевшие магдебургское право и историческое каменное ядро (замки, храмы). В выборку вошли семь городов: Брест (1019), Пинск (1097), Витебск (974), Полоцк (862), Орша (1067), Кобрин (1287), Глубокое (1414). Во вторую группу вошли местечки – населённые пункты, известные с XV–XVII вв. как частновладельческие местечки (штетлы), получившие статус города в XIX–XX вв. Они не имеют древнего каменного ядра, застройка преимущественно деревянная и советского периода. В выборку вошли 11 городов: Барановичи, Берёза, Дрогичин, Иваново, Ивацевичи, Лунинец, Пружаны (Брестская обл.), Городок, Лепель, Поставы, Барань (Витебская обл.). Третью группу составляют новостройки (советские индустриальные города), основанные в 1950–1960-х гг. при крупных промышленных предприятиях (ГРЭС, НПЗ, калийный комбинат), спроектированные как социалистические города с регулярной планировкой. К этой группе относятся пять городов: Новолукомль (1964, при Лукомльской ГРЭС), Новополоцк (1958, при НПЗ), Светлогорск (1961, при калийном комбинате), Солигорск (1958, при калийном комбинате), Белоозёрск (1958, при Берёзовской ГРЭС).

Результаты и обсуждение. Сравнительный анализ годонимиконов древних городов, бывших местечек и городов-новостроек позволил выявить не только структурные, но и количественные различия в распределении культурных кодов, что напрямую связано с историческим типом населённого пункта и характером формирования его уличной сети. Результаты анализа названий улиц по десяти выделенным культурным кодам сведены в таблицу 1 (для кодов с долей менее 0,5 % – духовный и фауноморфный – данные не приводятся).

Таблица 1 – Распределение культурных кодов по группам городов (%)

Культурный код	Древние города (n=7), %	Местечки (n=11), %	Новостройки (n=5), %
Антропоморфный	29,5	33,0	14,4
Социальный	7,7	10,4	11,8
Темпоральный	4,9	7,5	5,5
Топоморфный	38,7	27,5	41,9
Фитоморфный	5,5	7,4	11,9
Пространственный	4,5	5,8	5,4
Ландшафтный	3,9	4,6	4,0
Эмоционально-характерологический	5,7	6,3	5,0

Наибольшая доля антропоморфного кода (33,0 %) обнаружена не в древних городах, а в группе местечек. Этот результат объясняется комплексом историко-идеологических факторов. Древние города, формировавшие свою годонимическую систему на протяжении нескольких столетий, сохранили значительный пласт топоморфных названий – исторических урочищ, трактов, предместий, ремесленных слобод и торговых площадей (*улица Подол, улица Замковая, улица Мельничная*). Эти названия, не связанные напрямую с персоналиями, составили конкуренцию антропоморфному коду и уменьшили его долю до 29,5 %.

В отличие от них, местечки (бывшие штетлы) в советский период подверглись тотальной **реноминации**. Их небольшие уличные сети, насчитывающие чаще всего 100–200 улиц, оказались идеальным объектом для идеологически мотивированного переименования. Почти все до-революционные и польско-литовские названия были заменены на антропоморфные, прославляющие коммунистических деятелей (*улица Маркса, улица Энгельса, улица Ленина*), представителей советской культуры (*улица Горького, улица Маяковского, улица Мицкевича*) и, особенно

часто, героев Великой Отечественной войны (*улица Гастелло, улица Матросова, улица Шмырева*). Высокий процент антропоморфного кода в местечках (33,0 %) также подкрепляется сопутствующим ростом социального (10,4 %) и темпорального (7,5 %) кодов, куда вошли названия *улица Октябрьская, улица Советская, улица Комсомольская*, воспринимаемые как продолжение антропонимической традиции.

Самый низкий процент антропоморфных названий зафиксирован в городах-новостройках (14,4 %). Это прямое следствие функционально-планировочного подхода к именованию улиц во второй половине XX в. Новые улицы получали имена по доминирующей функции (*улица Строителей, улица Энергетиков, улица Химиков* – социальный код); по геометрическим признакам (*улица Центральная, улица Кольцевая* – пространственный код) или по природным объектам (*улица Берёзовая, улица Озёрная* – фитоморфный и ландшафтный коды). Имена реальных людей присваивались лишь самым значимым магистралям – центральному проспекту, вокзальной площади, главному въезду в город. Как правило, это был канонический набор: *улица Ленина, проспект Машерова, улица Гагарина*. Таким образом, в новостройках антропоморфный код оказался вытеснен на периферию семиотического пространства, уступив место топоморфному (41,9 %) и фитоморфному (11,9 %) кодам.

Качественный состав антропоморфного кода также различается по группам. В древних городах заметна доля дореволюционных антропонимов (связанных с православными святыми, царскими особами или знатными родами), тогда как в местечках антропоморфный код почти полностью состоит из советских номенклатурных имён, а в новостройках – из героев космоса и локальных производственных деятелей. Таким образом, количественный рост антропоморфного кода в местечках свидетельствует не о большей персонализации пространства, а о его унификации в рамках государственного мифотворчества.

Топоморфный код демонстрирует максимальные значения в двух полярных группах – древних городах (38,7 %) и новостройках (41,9 %). При внешнем числовом сходстве семантическое наполнение этого кода в данных группах принципиально различно, что отражает разные механизмы формирования уличной номенклатуры.

В древних городах топоморфный код выступает хранителем исторической памяти. Он включает: хоронимы – названия, производные от соседних деревень, сёл и малых городов, которые вошли в городскую черту или служили ориентацией (*улица Задунайская* – от села Задунай, *улица Суражская* – от города Сураж); названия исторических районов и урочищ (*улица Замковая* – бывшая территория вокруг княжеского замка, *улица Подол* – торгово-ремесленный квартал у реки); дорожные и трактовые названия (*улица Трактовская, улица Почтовая, улица Брестская* – по направлению старого тракта); агрономические и межевые топонимы (*улица Запольная, улица Огородники, улица Млыновая*).

Значительная доля топоморфного кода в древних городах объясняется тем, что их гононимическая система складывалась стихийно и органично на протяжении нескольких веков. Улицы именовались по реальным ориентирам, не требующим идеологического обоснования. Даже после частичных переименований в советский период массив топоморфных названий оказался устойчивым.

В новостройках топоморфный код достигает максимума (41,9 %), но его природа – проектная и функциональная. Такие города возводились по генеральным планам в середине – второй половине XX в., и главным принципом именования улиц стало обозначение функции объекта или его связи с инфраструктурой: функциональные названия (*улица Заводская* (ведёт к заводу), *улица Шоссейная* (расположена вдоль шоссе), *улица Парковая* (примыкает к городскому парку), *улица Вокзальная, улица Индустриальная, переулок Гаражный*; транспортно-географические названия (*улица Минская, улица Слуцкая, улица Подольская* (по названиям других городов, часто – областных центров или городов-побратимов)). В отличие от древних городов, где топоморфный код фиксирует историческую топографию, в новостройках он отражает инженерную логику: рациональную сетку кварталов, зонирование, связь с магистралями. Отсутствие многовекового слоя позволяет называть улицы по их свойствам.

Самый низкий процент топоморфного кода в местечках (27,5 %) не случаен. Бывшие штетлы Западной Беларуси и восточных регионов имели компактную, часто нерегулярную застройку с небольшим числом официально закреплённых названий. В советский период их уличная сеть подверглась тотальной идеологической реноминации. Большинство старых топоморфных названий

(улица Рыночная, улица Божничная, улица Кладбищенская, улица Косцельная) были заменены на антропоморфные (улица Ленина, улица Дзержинского, улица Калинина) или на социально-темпоральные названия (улица Октябрьская, улица Первомайская, улица Комсомольская). Узкие переулки и тупики, характерные для местечковой застройки, часто оставались безымянными или нумеровались (1-й переулок, 2-й тупик). Сохранившиеся топоморфные названия относятся к окраинным улицам (улица Заречная, улица Набережная), которые не интересовали идеологов.

Таким образом, низкая доля топоморфного кода в местечках – это следствие разрыва топонимической традиции: семиотическое пространство было перекодировано из топографического и сакрального в антропоцентричное и идеологическое. Древние города и новостройки, напротив, в силу разных причин сохранили или культивировали топоморфный код – первый как наследие, второй как функциональную необходимость. Качественный состав топоморфных названий в новостройках сближает их с древними городами лишь по доле, но не по генезису. Если древний топоморфный код – это «окаменевшая география» прошлого, то топоморфный код новостроек – это рабочая карта настоящего. В местечках же он был заменен антропоморфными и социальными маркерами советской эпохи.

Социальный код в новостройках (11,8 %) значительно выше, чем в древних городах (7,7 %), и сопоставим с местечками (10,4 %). Однако в новостройках он имеет яркую профессиональную окраску: улица Шахтёрская, улица Строителей, улица Энергетиков – прямое отражение градообразующего предприятия. В местечках социальный код чаще абстрактный (улица Пионерская, улица Комсомольская, улица Молодёжная). Особенно высок показатель в Светлогорске и Солигорске (по 16,0 %) – это максимальное значение среди всех 25 городов. Здесь социальный код достигает пика, причём в обоих случаях он жёстко привязан к химическому и калийному производствам соответственно. Такая концентрация говорит не только о профессиональной структуре, а о полном слиянии городской идентичности с отраслевой принадлежностью. В древних же городах низкий процент социального кода (7,7 %) отражает размытую, многослойную память, где профессиональные доминанты уступили место историческим и культурным маркерам.

Фитоморфный код достигает максимума в новостройках (11,9 %), что более чем вдвое выше, чем в древних городах (5,5 %). Это объясняется сознательной политикой озеленения названий в новых микрорайонах (улица Тюльпановая, улица Садовая, улица Цветочная). Эти названия создавали иллюзию близости к природе в монотонной панельной застройке. Интересно, что в местечках доля фитоморфного кода также повышена (7,4 %) из-за того, что многие улицы в населённых пунктах сохранили старые названия (улица Лесная, улица Берёзовая, улица Грибная).

Наиболее высокий темпоральный код зафиксирован в местечках (7,5 %), более низкий – в новостройках (5,5 %). Это объясняется активным переименованием улиц в местечках в советское время, которые получили революционные названия (улица Первомайская, улица Октябрьская, улица Новая, улица Юбилейная). В новостройках таких названий меньше, поскольку они создавались уже с готовой городской сеткой, и темпоральный код ограничивался несколькими улицами с юбилейными названиями (улица 50 лет Победы). В древних городах старые названия были более устойчивы.

При анализе топонимикона были выявлены региональные особенности отдельных населённых пунктов. Витебск (один из древнейших белорусских городов) демонстрирует аномально высокий топоморфный код (67,7 %), что связано с появлением множества переулков, названных по деревням Витебского района, а также с традицией называть улицы по историческим предместьям. Барань (местечко) имеет самый низкий антропоморфный код (5,6 %) и самый высокий фитоморфный (23,5 %) из-за того, что статус города получен только в 1972 г., и большая часть улиц сохранила «сельские» названия (улица Берёзовая, улица Яблоневая, улица Грибная). Новолукомль отличается экстремально высоким топоморфным кодом (57,9 %) при низком социальном (5,6 %) – это объясняется тем, что в городе при ГРЭС многие улицы названы по функциональным зонам (улица Заводская, улица Энергетиков, улица Парковая). Практически полное совпадение распределения культурных кодов в Светлогорске и Солигорске (различия в пределах 0,1 %) подтверждает гипотезу о существовании типового топонимикона советских «калийных» городов. Оба основаны в конце 1950-х гг., имеют одинаковую численность населения (около 100 тыс.) и структуру улиц. Это говорит об индустриальном каноне номинации: 18–19 % антропоморфных, 16 % социальных, 28 % топоморфных, 13–14 % фитоморфных наименований улиц.

Заключение. Таким образом, проведённое на материале 25 городов Беларуси исследование показало, что хронотип города является значимым предиктором распределения культурных кодов в топонимиконе. Древние города (возникшие до XIV в.) характеризуются высоким топоморфным кодом (38,7 %) и умеренным антропоморфным (29,5 %). Социальный и фитоморфный коды минимальны среди всех групп. Местечки (бывшие штетлы, получившие статус города в XX в.) обладают максимальным антропоморфным кодом (33,0 %) из-за массовой советской реноминации, а также повышенными социальным (10,4 %) и темпоральным (7,5 %) кодами. Советские индустриальные новостройки (1950–1960-е гг.) демонстрируют минимальный антропоморфный код (14,4%), максимальный социальный (11,8 %) и фитоморфный (11,9 %) коды, а также высокий топоморфный (41,9 %), но иного (функционального) содержания. Идентичность этих городов позволяет говорить об их типовом топонимиконе, который может служить эталоном для идентификации советских индустриальных городов без исторического ядра.

Практическая значимость работы заключается в возможности диагностики хронотипа города по структуре топонимикона без обращения к историческим архивам. Например, доля социального кода выше 12 % при значении антропоморфного кода ниже 20 % с высокой вероятностью указывает на город-новостройку; доля антропоморфного кода выше 40 % при значении топоморфного кода ниже 20 % – на местечко, прошедшее советское переименование.

С семиотической точки зрения, различия в распределении культурных кодов отражают смену стратегий номинации: от доминирования ландшафта и традиций (древние города) через революционную реноминацию и героизацию (местечки) к функционально-профессиональному и компенсаторно-природному дискурсу (новостройки). Дальнейшие исследования могут быть направлены на включение городов других областей республики (Гомельской, Гродненской и Могилёвской) для проверки экстраполяции результатов и на расширение выборки за счёт включения малых городов и посёлков городского типа для проверки универсальности выявленных закономерностей. Перспективным представляется также диахронический анализ топонимиконов – отслеживание изменений иерархии культурных кодов в одном городе на протяжении XX – начала XXI вв.

Представленный в статье материал обладает значительным методическим потенциалом: процедура кодирования культурных кодов и типологизация городов по хронотипу создают воспроизводимую аналитическую рамку для сравнительных урбанонимических исследований. Предложенные количественные критерии могут служить диагностическими индикаторами для идентификации исторического типа города без обращения к архивным данным, что особенно важно для регионов с фрагментарной урбанистической историей.

Используемая методика может быть экстраполирована на смежные дисциплины и исследовательские контексты: в исторической урбанистике она позволяет реконструировать этапы идеологической реноминации по доле антропоморфного кода; в социолингвистике – оценить степень унификации городского семиотического пространства; в географии культуры – выявить корреляцию между планировочной структурой и стратегиями именования. Выявленные аномалии служат точками роста для дальнейших кейс-стади, а также могут быть использованы в учебных курсах по ономастике, семиотике города и культурной географии.

Статья подготовлена на одном из этапов выполнения научно-исследовательской темы БелИСА «Гуманитарные науки как фактор сохранения и укрепления ценностного суверенитета белорусского государства» (№ гос. регистрации: 20260078 от 18.02.2026) в рамках научного направления «Социально-гуманитарное обеспечение национально-культурной безопасности человека, общества, государства» (утверждена Приказом №12-н от 17.02.2026).

Список литературы

1. Березович, Е.Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки / Е.Л. Березович // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 2001. – № 60 (6). – С. 34–46.
2. Голомидова, М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 185–203.
3. Города Беларуси: статистический сборник. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022. – 412 с.
4. Дулов, А. В. Культурные коды города: методология анализа топонимикона / А.В. Дулов. – Минск : БГУ, 2021. – 220 с.

5. Ильичева, И. Л. Реализация антропоморфного кода культуры в ономастическом пространстве Брестского региона / И.Л. Ильичева // Слово. Текст. Контекст. – 2022. – № 4 (12). – С. 54–63.
6. Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Учёные записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – С. 388–392.
7. Научные базы данных ЦНБ НАН Беларуси [Электронный ресурс]. – URL : <https://csl.bas-net.by/resursy/elektronnyye-resursy/> (дата обращения: 02.04.2026).
8. Прищепа, М. М. Особенности наименований внутригородских линейных объектов Витебска и Полоцка / М.М. Прищепа // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции, Витебск, 16–17 мая 2025 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, – 2025. – С. 261–266.
9. Рубанова, Е. В. Семиотика городского пространства: топонимы как маркеры идентичности / Е.В. Рубанова // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 56. – С. 112–119.
10. Современная Беларусь: энциклопедический справочник. – Минск : Белорусская наука, 2006. – 677 с.
11. Шур, В. В. Годонимикон белорусского города: структура, динамика, культурные коды / В.В. Шур. – Минск : БГУ, 2020. – 188 с.

CORRELATION BETWEEN THE CITY CHRONOTYPE AND THE DISTRIBUTION OF CULTURAL CODES IN THE GODONYMICON OF BELARUSIAN CITIES

*Pryshchepa M. M.
Vitebsk, Republic of Belarus,
VSU named after P.M. Mashеров*

Summary. Based on the godonymicon of 25 cities in Belarus, the article examines the relationship between the historical type of the city (chronotype) and the structure of cultural codes in street names. An interpretation is proposed through the lens of urban semiotics and urban planning policy; the methodological potential of the studied material has been identified.

Key words: godonymicon; cultural codes; city chronotype; Belarus; urban semiotics.

УДК 004:378.016:81'243

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЧЕБНЫЕ ПРОГРАММЫ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ДИСТАНЦИОННОМУ ОБУЧЕНИЮ

*Провоторова М. А., Баженова М. К., Исаев Ш. М.
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*

Аннотация. В статье рассматриваются условия, при которых цифровые технологии усиливают результативность обучения иностранным языкам в дистанционном формате. Цель исследования состоит в выявлении продуктивных подходов к встраиванию цифровых инструментов в учебные программы вуза. Методологическую основу составил аналитический обзор международных и российских публикаций 2020–2025 годов, а также официальных материалов WHO, UNESCO и OECD. Показано, что наибольший эффект даёт не сама платформа, а дидактически выстроенный курс, сочетающий синхронную и асинхронную работу, коммуникативные задания, цифровую поддержку самостоятельности и прозрачные процедуры оценивания. Сделан вывод о том, что интеграция цифровых технологий в языковое образование должна пониматься как проектирование курса, при котором ведущая роль сохраняется за преподавателем, а цифровая среда расширяет возможности учебного общения.

Ключевые слова: цифровые технологии; иностранный язык; дистанционное обучение; смешанное обучение; высшая школа; цифровая грамотность.

Введение. Цифровая трансформация языкового образования в начале 2020-х годов приобрела устойчивый характер; если на первом этапе она во многом была реакцией на внешние ограничения, то затем стала частью обычной практики вуза, меняя структуру курса, формат взаимодействия и способы контроля. Для дисциплины «Иностранный язык» этот процесс оказался особенно значимым, поскольку качество обучения зависит от регулярной речевой практики, обратной связи и степени включённости студента в общение. Материалы WHO, UNESCO и OECD показывают, что дистанционный формат может обеспечивать образовательную непре-